

Глава 2

ТЕНИ АРДСКОЛА

Между сном и реальностью нет большой разницы — они раскрывают разные части души.

Анабэль бесшумно скользнула в кабинет через потайную дверь. Белым взглядом она оценила погром и взглянула на брата. Идрис ненавидел хаос, но в данный момент он волновал его меньше всего.

— Идрис, ты ее все-таки похитил, как бы это ни называлось официально. Независимо от причины с девочкой можно было помягче, — Анабэль ни в чем не упрекала брата, но в ее голосе проскальзывало нечто похожее на сочувствие его новоиспеченной невесте. Идрис отстраненным взглядом смотрел в окно, наблюдая за движением теней, отбрасываемых деревьями. Он будто пытался найти в них ответы.

— Нет. Пусть не строит себе иллюзий, тогда она легче воспримет правду, — холодно отозвался Идрис и повернулся к сестре. Его прежде серые глаза налились чернильной темнотой. Каждый мускул лица был напряжен. Таким Анабэль не видела его уже давно.

— Значит, ты не собираешься на ней жениться? — Вопрос прозвучал скорее риторически, ибо Анабэль знала — с Идрисом никогда не бывает просто и однозначно. И все же она хотела получить ответ, который бы ее устроил.

— Разумеется нет. Она здесь не для этого, — решил не разочаровывать сестру Идрис. Постепенно его взгляд оттаивал и светлел. Чем дольше он смотрел на сестру, тем яснее становились его глаза. Краешек губ тронул призрачный улыбки и тут же рассеялся.

— Тогда для чего? — допытывалась Анабэль.

— Бэль, не будем об этом сейчас. Мне самому многое нужно обдумать. Произошли события, которые я не смог проигнорировать. Следите за ней, чтобы не пыталась сбежать и навредить себе.

Лицо Идриса оставалось чистым листом. В глазах клубился густой туман задумчивости, не позволяющий угадать его мысли.

— Хорошо, — Анабэль кивнула, больше не пытаясь задавать вопросов. — Попрошу Идвала и Тамаша, чтобы следили за ней. И сама тоже буду.

— Идвал редко бывает серьезен, мысли Тамаша заняты только экспериментами. Приставь к ней лучше Милифтину под видом прислуги. Пусть глаз с нее не спускает. Одной проблемой будет меньше. Нужно убедить ее, что мы не враги и она здесь в безопасности. Постарайся сгладить неровности первой встречи, — вынес свой вердикт Идрис.

— А мы враги? — решила уточнить Анабэль, совершенно не понимая, что за игру затеял ее брат.

— Этого я пока не знаю, — задумчиво отозвался он.

— Идри, мне все это не нравится. Да и Миф... это плохая идея, — попыталась образумить брата Анабэль, но тщетно. Идрис уже все решил.

— Бэль, ты переживаешь зря. Миф справится, у нее прекрасная выдержка.

— Что ж, может, ты и прав. Что насчет прислуги? Они не станут проблемой? — спросила Анабэль, все еще терзаемая сомнениями насчет этого решения.

— Я избавился от всех. Оставил только самых... человечных, — заверил сестру Идрис с тенью улыбки на губах. Виконтесса удовлетворенно кивнула и собралась было уходить, но он остановил ее легким движением руки. Анабэль вопросительно подняла брови.

— Эта девушка... о чем вы говорили? Тебе ничего не показалось странным? — несколько секунд он заметно колебался, но все же спросил.

Вопрос озадачил Анабэль, и она мысленно перебрала их недавний разговор с Селенией, пожав плечами.

— Ничего такого. Протестовала, орала. Решила, что я твоя любовница. Кстати, она не первая. Пора бы уже выдать меня замуж, чтобы ни у кого не возникало вопросов, — усмехнулась Анабэль, чтобы

разрядить напряженную обстановку, но сделала только хуже. Едва прояснившуюся серость глаз Идриса мгновенно затянуло грозowymi тучами. Его плечи напряглись, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Анабэль сразу пожалела о своей глупой шутке и попыталась невинной улыбкой рассеять тьму в глазах брата.

— У тебя кто-то есть? — Тон Идриса предвещал бурю.

— Идрис, тебя все боятся! На меня даже бездомный, которому нечего терять, не посмотрит! — В голосе Анабэль звенела сталь неопровержимой истины. Всем своим видом она показывала брату, что шутка была неудачной. Порой Идрис позволял ей подобные шалости, но только не в моменты, когда был зол или растерян.

— Замечательно, — холодно усмехнулся он, наконец ставя точку в их зрительном диалоге. — Нечего кому-то на тебя смотреть. В прошлый раз это закончилось весьма прозаично.

— Прозаично? — Анабэль вскинула одну бровь. В ее взгляд просочилась укоризна. — Ты вырвал бедняге глаза.

— Раз он на тебя посмотрел, значит, они ему были не нужны, — устало произнес Идрис, будто повторял это уже много раз. — Я предупредил его трижды. Обычно хватает одного раза.

— На мне не написано, что я твоя сестра. А тебя вообще мало кто видел в лицо, — добродушно усмехнулась Анабэль. Она пересекла разгромленный кабинет и уже открыла дверь, когда ее остановил голос Идриса.

— Предупреди остальных, чтобы в ближайший час никто меня не тревожил. Я буду в Зале Теней.

Лицо Анабэль слегка вытянулось от удивления. Она так резко повернулась, что юбка платья закрутилась вокруг ее ног.

— Насколько же все серьезно, если ты решил потревожить мертвых!

— Именно это я и хочу выяснить, — коротко бросил Идрис, давая понять, что больше ничего не скажет.

Анабэль кивнула и покинула кабинет. Ее распирало от любопытства, но спрашивать что-либо у брата было бесполезной затеей. Все в этом замке знали, что Идрису нужно созреть до откровенности, как плодам в саду.

Сам Идрис какое-то время просто стоял в задумчивости подобно статуе. Он смотрел за игрой света и тени за окном. Два начала, находящиеся в вечном противостоянии друг другу, пишущие историю этого мира золотыми и черными чернилами. И суть их куда глубже повседневного смысла, который люди привыкли в них вкладывать.

Наблюдая за тем, как тень будто бы шуточно наступает на свет, а свет в свою очередь словно бы играет с ней в догонялки, Идрис поймал себя на мысли, что сам оттягивает поход в Зал Теней. Его одолевали противоречивые желания — получить ответ и остаться в неведении. Но он не привык поступать вопреки своим принципам, поэтому, отгнав почти навязчивое желание остаться в кабинете, Идрис развернулся и покинул кабинет через тайную дверь.

В Зале Теней всегда жил шепот, не стихая ни на секунду. Порой он становился едва слышным, а иногда казался практически осязаемым. Сейчас Зал почти молчал, лишь едва уловимые звуки ворочались в объятиях тишины. Зал Теней представлял собой большое круглое помещение с высоким потолком, который подпирали каменные фигуры безликих существ в балахонах. Их когтистые верхние конечности держали массивные круглые чаши с Мертвой Водой, а между ними от пола до плеч в резных складках каменных плащей чернели зеркала, которые ничего не отражали. По полу лениво перетекал смолянистый туман, медленно кружась вдоль колодца, темнеющего бездонным провалом в центре зала. По выложенному обсидианом ободу струились плетения рун. А внутри него клубилась вязкая и непроглядная темнота.

Идрис остановился у первой ступеньки лестницы, парящей над чревом колодца, и задумчиво посмотрел в плотный мрак. С его появлением шепот встрепенулся. По поверхности зеркал пробежали ртутные отблески.

Отбросив посторонние мысли, Идрис медленно двинулся к платформе в самом центре Колодца Теней. Изогнутым ножом из черного опала он полоснул по ладони и протянул ее мраку. Алые капли сорвались вниз, и колодец отозвался. Плотный воздух вокруг задрожал. Руны на камне ожили и замерцали в такт биению сердца Идриса. Чаши с Мертвой Водой вспыхнули призрачной лазурью, разбрызгав свет по стенам зала. В зеркалах возникли бесформенные тени, воззрившиеся на того, кто посмел их потревожить.

Вокруг Идриса закружились безликие силуэты, несущие потусторонний холод. Их прикосновения к коже были тягучими и липкими, как смола. Хор неразборчивых голосов зашептал на языке мертвых.

— Примите мои извинения за то, что нарушил Вечную Ночь, — заговорил Идрис, тщательно подбирая слова. — Мне нужны ваши ответы.

Шепот Теней усилился. Они закружились в завораживающем зловещем танце, будто советуясь друг с другом.

— Сын Теней, от тебя требуется жертва. Линии твоего прошлого переплетаются с нитями настоящего девы, у которой два лика — темный и светлый. Над ее головой три луны — белая, черная и кровавая. За ее спиной тьма, а перед ней свет. По левую руку — разрушение, а по правую — созидание. Но куда бы она ни пошла — везде смерть. Узоры ваших судеб сплетаются воедино, и плетет их Луна. Скоро ее черный лик взойдет на небосвод. Враг у Истоков, — зашелестели тени дробящимся эхом. Это была песнь, сотканная из скрипа, треска и шепота, грубая и рваная, но по-своему гармоничная. Изреченные Тенями слова пронизывали Идриса насквозь, холодным узлом затягиваясь вокруг сердца. Голова закружилась, перед глазами калейдоскопом мелькали неясные образы и обрывки событий. Идрис отступил на шаг назад, пытаясь очистить собственные мысли, чтобы не сойти с ума. Он убрал порезанную руку и сжал ее. Последние капли крови скользнули в темноту. Вихрь теней начал редеть, успокаиваясь и опадая обратно на дно колодца.

— Запомни: то, что ты получил от мертвых, не может принадлежать никому, кроме тебя. Мы ждем тебя за чертой смерти, Сын Теней, — прошелестели напоследок мертвые и расплозлись нитями черного тумана, вместе с ответами оставляя Идрису и новые вопросы.

* * *

Теперь у Анабэль стало на порядок больше забот. Помимо основных дел ей предстояло обезопасить Селению от всего странного и пугающего в замке. Девушка ожидала ее в Малой Столовой в компании Тамаша, исподлобья кидая на него настороженные взгляды. Тамаш в свою очередь не обращал на нее внимания, читая толстую книгу в ста-

ром потрескавшемся переплете из человеческой кожи. Анабэль послала ему многозначительный взгляд, и он тут же испарился из столовой. Напоследок соорудила такую мину, будто Селения его пытала.

— Пойдемте, дорогая мисс Де-Маир. Я покажу вам замок и вашу комнату, — доброжелательно-повелительным тоном оповестила новоиспеченную «невестку» виконтесса. Селения поднялась, но подойти к Анабэль не торопилась. Упрямство этой девчонки продолжало одновременно удивлять и раздражать виконтессу, работая на уровне инстинктов.

Анабэль находилась в состоянии спокойствия и легкой расслабленности. Она придерживалась теории о двух типах превосходства — навязчивое, которое пытаешься доказать всеми силами, грубо и открыто, и ненавязчивое, данное от рождения или честно заслуженное. Анабэль излучала второе, внушающее людям страх и нерешительность.

Селения упрячилась, как могла, показывая свою важность и недовольство. Она была нетерпеливым, эгоистичным ребенком — упираться и спорить для нее было все равно что дышать. Но частое дыхание быстро утомляет. Поэтому сейчас она проиграла выдержке и спокойствию Анабэль. Виконтесса подавила ее попытки своим равнодушием и победила. Мило улыбнувшись, она развернулась, без слов повелев девушке следовать за ней. Селения нехотя подчинилась, источая яркий и резкий аромат раздражения.

— Селения, — заговорила Анабэль и сбавила темп шага на неспешно-прогулочный. — Я понимаю, мой брат немного резкий...

— Ваш брат — ужасный человек. Надеюсь, он скончается в ближайшее время в страшных муках, — гневно выпалила Селения.

От ее слов в голове Анабэль конницей пронеслись воспоминания, всегда рождающие дрожь в теле и хаос в душе. Лишь железная выдержка позволила виконтессе не выдать истинных чувств. Сердце в ее груди заледенело, как и взгляд изумрудных глаз, узрев который Селения испуганно попятилась назад.

— Запомни раз и навсегда, — отбрасывая напускную доброжелательность, отчеканила Анабэль, взирая на девушку взглядом хищника, — никогда больше не смей оскорблять моего брата и желать ему смерти. В противном случае никакие доводы, включая убеждения самого Идриса, не остановят меня от возмездия. Ты вполне можешь

случайно оступиться в темном коридоре и свернуть шею. Какая будет трагедия!..

Последние фразы сквозили холодной неприкрытой иронией, дабы приструнить языкастую девчонку. Страх, как правило, лучше всего воспитывает в человеке уважение и покорность.

Как бы виконтессе ни было жаль эту девушку, в отношении своего брата она никому не позволит выразиться подобным образом и уж тем более сыпать проклятиями — слова всегда имеют силу.

— Если мы достигли понимания, тогда прошу следовать за мной, — возвращаясь к первоначальной модели поведения, обратилась к Селении виконтесса. По дороге Анабэль пыталась завести диалог, чтобы сгладить свой резкий выпад, но Селения упрямилась и грубила. Тогда виконтесса решила просто кратко проинструктировать ее относительно разрешенных для посещения и запретных мест в замке, дав совет передвигаться с прислугой, чтобы не заблудиться. Пожелав напоследок доброго дня, Анабэль оставила Селению одну. Теперь ей предстояло найти Милифтину и передать распоряжение Идриса. Реакцию Милифтины на эту новость несложно было предугадать, поэтому Анабэль заранее подбирала слова, чтобы убедить ее быть с Селенией помягче. Искомая обнаружилась в лаборатории Тамаша вместе с ним и Идвалом. Троица о чем-то тихо переговаривалась. Выглядели они как заговорщики, планирующие бунт. Несложно было понять, что именно они обсуждают, поэтому Анабэль решила не ходить вокруг да около.

— Очень хорошо, что вы все здесь, — громко заговорила она, подходя ближе. — Не придется бегать за каждым из вас и повторять одно и то же.

Реакция на ее слова у каждого была разной. Это всегда забавляло Анабэль, как шутка, которая была понятна только ограниченному кругу людей.

Тамаш полусидел на краю большого стола с гранитной поверхностью. После слов Анабэль он плавно поставил локоть на ногу и подпер рукой подбородок. Его лицо ничего не выражало, но во взгляде слегка теплилась искра интереса.

Милифтина отбросила белоснежные волосы за спину. Она всегда так делала, пытаясь скрыть беспокойство или раздражение, но лишь выдавала себя.

Из всех обитателей Ардскола Идвал казался самым расслабленным. Его одного сложившаяся ситуация откровенно веселила. Анабэль почувствовала легкий укол раздражения, но подавила его и по очереди взглянула на каждого.

— Думаю, все понимают, что привычный образ жизни меняется, — начала виконтесса.

— Надолго? — скучающим тоном поинтересовался Тамаш. Колкий взгляд изумрудных глаз остановился на нем.

— Как Идрис решит. Я знаю не больше вас. Но пока она здесь, приглядывайте за ней все время. Тамаш, постарайся свести свои опасные эксперименты к минимуму и держи своих подопытных в клетках, — предупредила Анабэль и переключилась на Идвала.

— А ты будь серьезнее. Постарайся не выкинуть какой-нибудь фокус.

— Я всегда серьезен, за меня меньше всего надо переживать, — ответил Идвал, расплываясь в широкой улыбке.

— Да за тобой самим глаз да глаз нужен, — возразила Анабэль. — Я тебя предупредила. Если найду хоть один коготь...

— Я понял, понял, не надо интимных подробностей, — замахал руками Идвал, продолжая веселиться. Анабэль глубоко и медленно вдохнула и переключила все внимание на Милифтину.

— Миф, Идрис распорядился, чтобы ты лично присматривала за его невестой под видом прислуги. Прошу тебя, держи себя в руках и не придуши девчонку, — попросила Анабэль. Она знала непростой характер Милифтины и понимала, насколько сложное задание взвалил на ее плечи Идрис.

На удивление, Милифтина не стала протестовать, она вовсе не выказала никакого недовольства. Просто кивнула и заверила, что не подведет. Анабэль не могла не заметить, что та ведет себя довольно странно.

* * *

В тишине и одиночестве стало немного легче. Лишь скрутившее тело напряжение держало меня на ногах, и, выдохнув его, я осела на пол, как только за Анабэль закрылась дверь. Злость и обида, бурлившие

внутри, словно лава в жерле вулкана, прорвались наружу слезами, которые я сдерживала в присутствии Рангвальдов. «Не останусь здесь, не останусь», — повторяла я себе, словно заклинание, кусая губы. Сбегу прочь из Ардскола и из Бриля. Прямо сегодня и сбегу. Тоска кисла внутри, набухала, как тесто, мешаясь с жалостью к себе, множилась, наполняя меня до краев. Хотелось кричать, бросаться вещами, причинить Рангвальдам такую же боль, какую испытывала сама.

Но когда шквал утих, спасительная опустошенность придала мыслям ясности. Бросаться наобум, сломя голову, надеясь лишь на удачу, — глупо. Нужно изучить замок и его обитателей: привычки, распорядок дня и прочее, при этом оставаясь собой. Внезапная покорность вызовет больше подозрений, чем мои протесты. Нужно усыпить бдительность.

Время мерило комнату маленькими шажками. За окном день медленно угасал, уступая наползающим сумеркам. Из-за отсутствия часов отсчитывать время я могла только по движению солнца. Желудок болезненно корчился в голодных судорогах, ибо я так и не притронулась к завтраку. Руки после собственной выходки без конца дрожали, пришлось зажать их между коленями. Беспокойство от чьего-то пристального взгляда елозило по натянутым нервам, о еде и думать не хотелось. Я была здесь чужой, и все вокруг казалось враждебным, даже воздух Ардскола обжигал кожу.

От обеда с Рангвальдами я тоже отказалась вопреки собственному плану — видеть их не хотела. Переместившись с пола на кровать, я размышляла над своим положением. Граф был прав — аристократы вступают в брак ради выгоды. Но какая ему выгода от меня? Тетушка богата, но не чета графу. И случилось все только после нашей встречи на празднике. Мне становилось по-настоящему страшно. Рангвальдов окружала дурная слава — поговаривали, что они не люди, что они продали души силам зла, что они проводят кровавые ритуалы в своем замке, едят девственниц на завтрак и купаются в их крови. Я слышала всякое, но что из этого правда?

Когда тишину комнаты, звенящую от раздумий, нарушил стук в дверь, окно уже завесило темной вуалью сумерек. Я вздрогнула и обернулась. В комнату вошла девушка в униформе прислуги. В руках она держала поднос с едой.

— Добрый вечер, леди Селения. Я ваша камеристка, Милифтина. Госпожа Анабэль хотела пригласить вас на ужин, но подумала, что вы снова откажетесь. Она очень переживала, что вы так и не притрунулись к завтраку и отказались от обеда, и просила вас хотя бы поужинать, — голос прислуги звучал спокойно, и сама она с первого взгляда казалась милой, но нечто неуловимое в ней настораживало.

Девушка аккуратно поставила поднос на кофейный столик и выпрямилась. Обращенный ко мне взгляд ее серо-голубых глаз пробрал до костей. Они казались замерзшими озерами, и подо льдом была лишь пустота.

— Чтобы у вас были силы бороться, — добавила камеристка. Мне почудилась едва заметная усмешка, скользнувшая по ее губам. Спина будто покрылась инеем. Что это означало? О какой борьбе шла речь? Неужели Анабэль знала о моих намерениях? Или того хуже — Рангвальды действительно затеяли какую-то чудовищную игру?

Проводив служанку настороженным взглядом, еще несколько секунд я в нетерпении смотрела на дверь, а затем бросилась к еде. Если меня притащили сюда живой, вряд ли в их планы входит мое отравление. Да и слова, переданные Анабэль, напроочь застряли в мыслях, став фундаментом для всевозможных теорий.

Опустившись в мягкое кресло, я склонилась над подносом и вдохнула дивные ароматы пищи. Желудок жалобно завыл, требуя еды и как бы соглашаясь с виконтессой, — силы мне действительно нужны.

* * *

Наступая на тусклые пятна света, вокруг плясали тени. Они чернели на стенах и полу подобно лужам после дождя. Воздух дышал бодрящей прохладой, будто кто-то касался кожи озябшими ладонями и приводил в чувство.

Оглядевшись, я поняла, что стою в одном из коридоров замка. За окном ветер по-дружески трепал ветви деревьев, играя с их тенями, будто кукловод с марионетками. Липкий холодный страх обнял меня за плечи, прижавшись к спине и поцеловав в затылок. Сердце зашлось в панике. Казалось, его удары разносятся по всему коридору, кольшут свисающие с потолка рваные лоскуты полумрака. Тишину пронизывал

едва уловимый шепот, тонкими невидимыми нитями закручиваясь вокруг меня.

И без того беспокойные нервы вдруг стали раскаленными металлическими прутами, стянувшими тело. Я застыла, прислушиваясь к звуку, не в силах шевельнуть даже пальцем. Он был повсюду — плыл по воздуху, полз по стенам и потолку, поднимался с пола невидимым туманом. Страх рос внутри с каждым мгновением бездействия, но обернуться и посмотреть в его лицо было еще страшнее. Поэтому я отчаянно вглядывалась в темноту в конце коридора в надежде не увидеть там чего-то ужасного. Но тьма была неподвижна, двигался только шепот. Теперь, казалось, он был частью меня — звучал в голове и груди, бежал по сосудам с кровью. Не в силах больше оставаться в неведении, я резко обернулась и вздрогнула, столкнувшись с кем-то невидимым. Крик вырвался сам собой и сотряс тишину, разбив ее на осколки. Отскочив назад, я попыталась отбежать еще дальше, но меня схватили за плечо.

— Перестань шуметь, — велел мне голос графа Рангвальда. Я повиновалась и ощутила облегчение, но стоило поднять на него взгляд — и крик застрял в онемевшем от ужаса горле. Его бездонные глаза были черными, лишь алые переливы мерцали в полумраке. Это были глаза демона, но никак не человека.

Я попыталась вырваться, но он держал крепко.

— Пожалуйста, не надо! — обезумев от страха, вскрикнула, продолжая извиваться в его руках.

— Не надо что? — голос графа звучал холодно, но не враждебно. Часто заморгав, я уставилась на него, не в силах выдать даже слово. Его глаза были серыми, как прежде, испугав меня еще сильнее. Сам Рангвальд выглядел удивленным.

— Что ты здесь делаешь в такой час? — не дождавшись ответа на свой вопрос, спросил он.

— Я не знаю, — разглядывая его лицо в полном недоумении, промямлила я. Облегчение боролось со страхом, который все еще навязчиво терся о кожу. Язык едва ворочался во рту. Я сама не понимала, как оказалась здесь. Отужинав, я почувствовала, как веки тяжелеют, а мысли становятся вязкими. Последнее, что помнила, — я села на кровать, а затем, скорее всего, уснула.